

А/10
798

Листко Бухарина Н. У.
тов. И. В. СТАЛИНУ.

17
28

Лично.

Дорогой тов. СТАЛИН,

Сегодняшняя статья в "Правде" (а все знают, что означают такие статьи) уже исходит из "доказанности" неслыханно-тяжких обвинений против лидеров правых (и, очевидно, в том числе и меня).

Эта статья меня прямо свалила.

Нужно сказать, что и на Пленуме ЦК, и на очных ставках, когда на меня обрушивались чудовищные обвинения, мне казалось, что о мою голову рвутся бомбы, а я остаюсь каким-то чудом цел. Иногда мне представлялось, что все это происходит не со мной, а в каком-то кинематографе, - до того трагически нелепым, просто невозможным, ощущал я каждое обвинение. Здесь просто нет слов человеческих, чтобы выразить все это...

Нужно сказать, что прошлое у меня изрядно выветрилось из памяти: я жил последние годы совсем другими эмоциями и мыслями, и как мне не отравляли жизнь некоторые люди, особенно меня любящие, я захвачен был могучим потоком творчества и отражал это во всей своей работе. Я поэтому не мог и вспомнить ряда фактов. А вот потом только вспомнил.

Вот, например, очная ставка с Куликовым. Куликов утверждал, что мы вместе хотели "сманеврировать", а они выскочили раньше, почему я "обиделся". Я смутно вспомнил, что отход их был 1) неожиданен, и что они 2) /Угланов + Куликов/ демонстративно отмежевались от меня. Куликов это решительно отрицал.

*Может быть
написать
после*

104/16хн 362

Но вот я за эти дни раздобыл "Правду" 1929 года. Там, в № от 18 ноября 1929 г., стр.2, в конце заявления Угланова - Куликова говорится:

"Перед нами встает вопрос: что дальше? Быть ли на отлете от партии и рабочего класса и поддерживать т.т.Бухарина, Рыкова и Томского или итти в ногу со всей партией? Мы считаем нужным быть вместе с партией и рабочим классом и победоносно бороться за социалистическое строительство.

Н.Угланов.

Е.Куликов".

Эта нарочитая, персональная форма, демонстрация отме- жевки, противопоставление Бухарина и т.д. рабочему классу и партии, тогда (разумеется, не теперь!) произвела на меня такое впечатление, что сформировалось мнение: подальше от Угланова! Вот как было дело в действительности, и можно установить точно, что с той поры между мной - с одной стороны, и Углановым и его людьми - с другой наступила почти полная размычка. Ну как же можно тут допустить, что после того, как порвались отношения, после подачи мной заявления, во время случайной уличной встречи, через сравнительно большой промежуток времени и после ругательного напора со стороны Куликова (публично от меня отрекшегося, да еще в какой форме), да еще при наличии горького осадка против Куликова, я говорил о ...терроре! (У меня, Коба, глаза лезут на лоб от одного того, что я вынужден оправдываться по таким пунктам). Это же сказки для детей!

Или то, что Куликов говорил о Рютинской платформе. Ведь, сам Куликов говорил, что видел меня последний раз весной 1932 года. А дата рютинской платформы - более поздняя. Как же он мог что-либо слышать о ней от меня? А ведь он так говорил! А я тогда не сообразил (вообще у меня из-за мучений ослабела память и замедлилась сообразительность - мне нужно больше времени, чтобы распутывать клеветнические узлы). Вообще разве не нелепо думать, что я, считавшийся идеологическим лидером и специалистом по писанью, нуждался в чужих платформах и в Рютине, если бы я вообще в платформах тогда нуждался??!

Последний раз я видел Угланова после долгого перерыва перед отъездом в отпуск летом 1932 года. Ни о какой платформе не было речи. Я боялся, что Угланов начнет шебаршить, снова махать руками и т.д. Я боялся, что это возможное шебаршеньё опрокинется и на нас, что и меня будут обвинять в нелояльности к партии. Поэтому я пошел к Угланову и настаивал на полной лояльности. Угланов согласился. Это я хорошо помню. А потом что-то у них, очевидно, изменилось. Но об этом я не знаю. И все это для меня представляет уже загадку. Не исключаю того, что Угланов мог "для авторитета", лживо пускать в оборот и мое имя, ибо он - почти не
вменяемый (из-за болезни) человек (а вовсе не скала). Но я тут абсолютно ни при чем, как ни причем и в соответствующей "работе" Слепкова и К⁰, которую он, очевидно, повел, несмотря на свое мне заявление о согласии с партией.

Все это я мог бы сказать на ставке с Куликовым, да не нашелся. А, ведь, здесь есть над чем задуматься.

Но я откровенно скажу: я многого просто не понимаю. Я понимаю поведение троцкистов, включая Пятакова, Сосновского. Это - тактика, столь же изощренная, (но другая), как и в 1928 году, когда Пятаков "душевно" разговаривал и сейчас же сообщал (я не против этого, но форма, но форма!). Теперь он кается и тут же по сему случаю топит невинного (на тебе, сволочь; думал, что будешь работать, а тебе за отход от всякой оппозиции я камень смертный навешу). Я ушам не верил, когда Сосновский даже детали придумывал (только с запиской просчитался!). Но, повторяю, все это понятно более или менее.

Что мне непонятно, эти Куликовы, Котовы и т.д. Я говорю только о себе. Но все же не могу не сказать, что, когда говорят, будто Котов утверждает, что Рыков торопил его с терр.актом, - ну, знаешь, я никогда не поверю, хоть теши на моей голове осиновый кол.

Вспоминаю один случай, относящийся, кажется, к 30 году. Однажды ко мне заявился с провокационными разговорами некий Ванька Коротков, бывший с-р., каторжанин. Я изругал его и заявил, что позвоню в ГПУ. Он быстро ушел. Сообщать я не сообщал по той простой причине, что хорошо знал о его работе в ГПУ. А знал я опять таки по очень простой причине: я и Дзержинский были его партийными крестными отцами; мы вводили его в партию, а затем в ГПУ, я вместе с ним "разлагал" с-р-ов и т.д. После этого посещения (я между

прочим, знал - не помню от кого, что Коротков этот вращается в углановской среде и что он имел какое-то касательство и к заявлению Угланов-Куликов) Коротков "пропал".

Мне иногда приходит в голову: а что если и сейчас есть этакий старатель? Почему бы ему не быть? Да еще в такой атмосфере! Да еще при условии, когда ответственные работники партии говорят обо мне, как о уже виновном! Да при условии, когда обвинение выставлено и другими, и опубликовано? Да когда этой ценой обвиняемые могут пытаться создавать себе видимость "искренности до конца"? (Как у Сосновского: ни концлагерь, ни Кабарда, ни человеческое отношение к нему, ни постановление П.Б. о нем - его не заставили раскаться по существу, а вот арест прояснил его разум в одну ночь, а "искренность" его "доказывается" тем, что даже Бухарина, столь человечно к нему относившегося, он "во имя партии" "разоблачает"! И с каким спокойствием! Его прямо не узнать было по сравнению с тем измученным Сосновским, который приходил в редакцию, когда получил от меня записку...).

Но у меня ограниченные данные. А у меня - все или могут быть все. Тебе виднее...

Теперь, после статьи в "Правде", я политически убит. Это уже такой градус, когда всё тускнеет. Уверен, что когда-нибудь и ты увидишь, что здесь была сделана вами ошибка. Еще раз говорю тебе: у меня нет никакой злобы: такова проклятая полоса. Но тем не менее жалко гибнущей чести ре-

5

волюционера и связанной с ней жизни. Ведь ты понимаешь, что политическая смерть, это все. Нет слов, чтоб выразить всю муку от ложных обвинений, оскорблений, всего позора, от которого до абсолютного отчаянья - один маленький шаг.

Что мне теперь делать? Я забился в комнату, не могу видеть людей, никуда не выхожу. Родные - в отчаянии. Я - в отчаянии, ибо почти бессилён бороться с клеветой, которая со всех сторон душит. Я надеялся, что ты все же имеешь на руках то добавочное, что меня хорошо знаешь. Я думал, что ты знаешь меня больше, чем других, и что при всей правильности общей нормы недоверия этот момент войдет в качестве какой-то слагаемой величины в общую оценку. Но вышло, видно, так, что враждебные мне силы действуют, а я ведь и ответить на все не могу, ибо не знаю, а если отвечаю, то в сверхударном порядке (как на очной ставке).

В газетах, стало быть, "началось" уже до конца дела.

Чем же жить, скажи?

Ведь, у тебя, вероятно, такое представление: пусть и то Бухарин будет благодарен, что с ним цацкаются - все же он, повидимому, во многом виноват. Ну, а если Мехлис переборщит - не беда. Да и чего особенно жалеть-то?

А на самом деле все не так. Я верой и правдой работал. И с душой. И с увлечением. В людях плохо разбирался - верно. Это мой порок. Но сражался за партию. Приобрел ненависть врагов (потому парижские фашисты-троцкисты - ведь это же факт! - хотели мне мстить).

За границей звали - "философ сталинизма". Изжил, надеюсь, самые глубокие основы своих ошибок. Много натерпелся, передумал горы. И все же падаю (под ударами такой расчитанной и организованной клеветы, что даже самые светлые умы партии, которым я так предан теперь, карают за несовершенные преступления.

Ты сказал на Пленуме: "Бухарин бьет здесь на искренность".

Ты ошибаешься: я ни на что не "бью".

Я в таком душевном состоянии, что это уже только полубытие. Я думаю уже в категориях, которые пишутся с большой буквы, о последних, предельных величинах работы, чести, жизни, смерти.

Погибаю из-за подлецов, из-за сволочи людской, из-за омерзительных злодеев.

Твой
Н.БУХАРИН.

15 декабря 1936 года.

Москва.

Дорогой тов. Сталин,

Сегодняшние статьи в "Правде" (а вы знаете, что означают такие статьи) не исходят из "доказательств" кельскохозяйственно-земельных обвинений против ~~этих~~ лидеров правых (и, очевидно, в том числе и меня).

Эти статьи меня прямо свалили.

Нужно сказать, что и на пленуме ЦК, и на других ставках, когда на меня ^{оформив} ~~свои~~ чудовищные обвинения, мне казалось, что о моего голову свалится бомба, а я останусь какими-то чудом цел. Иногда мне представлялось, что все это происходит не со мной, а в каком-то Кинешемтограде, — до того Урагански нелепыми, просто невозможными, ощущаясь в каждом обвинении. Здесь просто неслыханно человеческих, чтобы выразить все это...

Нужно сказать, что прошлое у меня изрядно выветрилось из памяти: с этих последние годы совсем другими были мысли и действиями, и как мне ни отравляли мысль некоторые люди, особенно меня любящие, и захвалили для помощи Ленинскому ЦК, и отражал это во всей своей работе. Я поэтому не мог и вспомнить ряда фактов. А вот порой только вспоминаю.

Вот, напр, одна ставка с Куликовым. Куликов утверждал, что мы вместе хотели свалить "правду", а они воскочили раньше, поему я "обиделся". Я слытно вспоминаю, что обид их был неосудимым, и что она ³⁾ (Уманов + Куликов) демонстративно отменялись от меня. Куликов это решительно отрицал.

Но вот в За эти дни раздобыл "Правду" 1929 года. Там, в № от 18 января 1929, стр. 2, в конце заявления Уманова - Куликова говорил:

"Перед нами встает вопрос: что дальше? Обить ли на отлете от партии и рабочего класса и поддерживать 7-7. Бухарина, Рязанова и Моисеева или идти в ногу со всей партией? Мне считалось куликов был вместе с партией и рабочим классом и победоносно борется за социалистическое строительство. Н. Уманов.

Е. Куликов."

Эта каргоуная, перикалтная форма, демонстрация приметки, противоположные Бухарина и т.д. рабочему классу и партии, тогда (разумеется, не теперь!) произвела на меня такое впечатление, что сформулировалось мнение: приметка победоносно от Уманова! Вот как было дело в действительности, и можно убедиться тогда, что с той поры между мной ~~и~~ — с одной стороны, и Уманова и его людьми — с другой наступила почти полная разрывка. Ну как же можно тут

после того, как порвались отношения, во время (служанкой уличной вепера), ^{через сравнительно большую ирометуюх брешен} и
 после фугативного канора со стороны Куликова (публично от меня отрекшегося, да еще в какой группе), ^{да еще} ~~еще~~ при натурна горького осадка, и говорил терроре! (У меня, Коба, глава лежат на лод от одного того, что я вынужден оправдывал по таким пунктам). Но же сказки для детей!

Или то, что Куликов говорил о Рюрикской платформе. Везде, сам Куликов говорил, что видел меня последний раз весной 1932 года. А дата рюрикской платформы ~~уже~~ более поздняя. Как же он мог что-либо сказать ~~о ней~~ от меня? А ведь он так говорил! А в тогда не сообразил (вообще у меня из-за мурений ослабела память и замедлилась сообразительность — мне трудно долгие времена, чтобы ^{исчерпывающе} расчитывать/узнать). Вообще разве не каково думать, что я, ставший идеологическим лидером и специа-листом по пикавоту, руководил в ружных платформах и в Рюрике, если бы я вообще в платформе тогда руководил??!

Последний раз я видел Уманова ^{перед отъездом в отпучек летом 1932 года}. Ни о какой платформе не даю речи. Я боюсь, что Уманов может шебаршнать, снова махать рука-ми и т.д. Я боюсь, что это возможное шебаршение откинется и на нас, что и меня буду обвинять в кельоельности к партии. Уманов согласился. Это же хорошо политко

А потом что-то ^{у нас, очевидно,} приметалось. Но об этом я не знаю. И все это мне представляется уже сарафану. Не исключено то, что Уманов ^{мог} "дле авторитета", лишь пухать в оборот и мне мне, ибо он — полнн кельоельный — сливый (из-за болельши) человек (а вовсе не скала). Но я тут абсолютно

ни при чем, как ни при чем и в соответствующей работе "Спенкова и К.", которую он, очевидно, ^{получил и пошел к Уманову и согласился на полную кельоельность} ~~делал~~. Все это я мог бы сказать на ставке с Куликовым, да не кахелась. А, ведь, здесь есть кагдаи задуматые.

Но я откровенно скажу: я многого просто не понимаю. Я понимаю поведение Уроцкисств, включая Риезакова, Сосновского. Это-то ^{тогда} ~~тогда~~, столь же изомыренный, (но другие), как и в 1928 году, когда Риезаков душевно разговаривал и сейчас же сообщал (я не против это, но форма, но форма!). Теперь он кахель и тут же по селу служаву топит кельоельно (на тебе, сволю; думаю, что будешь работать, а тебе да отрод от всякой оппозиции я камень смерзкий кавешу). Я ушам не верил, когда Сосновский даме детали придумывал (Только с ^{от} ~~записками~~ просиделся!). Но, повторяю, все это пометко более или менее.

Но мне непонятно, что Куликова, Котова и т.д. Я говорю только о себе. Но все же не могу не сказать, что, когда говорит, будто Котов утверждает, что Рюков торопил его с терр. актом, — ну, знаешь, я никогда не поверю, хоть теши на моей голове осиковый ~~ку~~ кол.

Вспоминаю один случай, относящийся, кажется, к 30 году. Ознакомившись с
мне записки с провокационными разговорами некий Ванюша Коротков, бывший
с-р., котор-то я и изурал его и записки, что по поводу в ТМУ. Он быстро ушел.
Сообщать же не сообщал по той первой записке, что хорошо знал о его работе в ТМУ.
А узнал я, теперь таки по описи первой записки: я и Дзержинский были его партий-
ными крестными отцами; мы вводили его в партию, а затем в ТМУ, я вместе
с нами „разлагали“ с-р-ов и т.д. После этого посещения (я, между прочим, узнал
не только о его работе, что Коротков этот вращается в Чкаловской среде и что он имел какое-то
касательство к записке Усманов-Куликов) Коротков „пропал“.

Мне иногда приходит в голову: а что если и сейчас есть такой старатель?
Попытка ли ему не дать? Да еще в такой атмосфере! Да еще при условии,
когда ответственные работники партии говорят обо мне, как о чужие вышес-
кожа! Да при условии, когда обвинение выдвинуто и дружина, и распухшая
валя? Да когда этой чужой обвиняемому могут представиться создавать
себе видимость „искренности до конца“? (Как у Сосновского: ни Концлагерь,
ни Кабарда, ни тепловские отчисления к нему, ни постановление П.Б. о нем
его не заставили рассказать по существу, а вот арест проделал его
разум в одну ночь, а „искренность“ его „доказывает“ Там, что даже
Бухарин, хоть и теплово к нему относившийся, он „во имя партии“ раба-
гается! И с какими спокойствием! Его прямо не уткарь было по срав-
нению с Там и приурочили Сосновским, который приходил в редакцию, ко-
гда получил от меня записку...)

Но у меня ограниченные данные. А у тебя — все или почти все.
Мне виднее...

Теперь, после статьи в „Нраве“, я политически убит. Это чужие такой градус,
когда всё тускнеет. Уверен, что когда-нибудь и ты увидишь, что здесь была до-
лапа вали ошибка. Еще раз говорю тебе: у меня нет никакой злобы: Та-
кова проклятая колоса. Но там не может быть никакая индустрия теми рево-
люционером и сепаратистом с ней дружи. Небо, что покидаем, что политически
смерть, что все. Нет слов, чтоб выразить всего лишь от логичных обвинений,
оскорблений, всего подора, от которого до абсолютного отчаяния — один ма-
ленький шаг.

Что мне теперь делать? Я садились в колоннах, но могу видеть людей, пишу
да не востану. Родные — в отчаянии. Я — в отчаянии, что почти бессмысленно
борьбы с клеветой, которая со всех сторон душит. Я надеюсь,

Но то же имеешь на руках то добавочное, что мне хорошо знаешь.
Я думаю, что ты знаешь мене больше, чем других, и ты при всей правоте —
эти общие нормы недоверие этот момент выдет в качестве какой-то массовой
величины в общую цену. Но вошло, видно, так, что браidedные мне сию
~~самостоятельно~~ действуют, а я, везь, и отвечаю на все не могу, ибо не знаю,
а если отвечаю, то в сверхударном порядке (как на олимпийских играх).

В газетах, стало быть, началось "уже до конца дела."

Тем же жить, скажи?

Везь, у тебе, вероятно, такие представления: пусть и в Бухарии будет
мандарен, ты с ними цацкаешь — все же ~~не~~ от, повидимому, во многом
высокой. Ну а если Мехлис переориенту — не везь. Да и это особо важно.

А на самом деле все не так. Я верой и правдой работал. И с душой.
И с уверенностью. В людях много рабизации — верно. Ты мой друг. Но сра-
маюсь за партию. Приоритет некачество врагов (~~не~~ потому ~~не~~ партияские гра-
мисты — Фроукисты — везь ты же друг! — хотел мне мстить).

За границей звали — "губернатор Сталинград". Из этих, надеюсь, самых чужбных
основ своих ошибок. Много натерпелся, передумал горы. И все
же нада ^{то} (под ударами такой расшатанной и организованной клеветы,
что даже самое светлое уморит), которыми ^{то} так предак Тенер, Карен
~~то~~ за несовершенное преступление.

Мне скажи на плечу: "Бухарии свет здесь на искренность".

Ты ошибаешься: я ты на ты не бью".

Я в таком душевном состоянии, что ты уже только полубытие. Я ду-
маю уже в категориях, которые пишу с большой буквы, о последних, пре-
дельных великих работах, тесни, жизни, смерти.

Погубаю из за подлецов, из за словом людской, из за омерзительных людей.

Твой В. Бухарин.

15 декабря 1936 г.
Москва